

Ю.В. ЛАТОВ, д.с.н., к.э.н., доцент,
Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НЕ ХВАТАЕТ
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА?
(КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ОБОБЩЕННОГО ЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ)**

Примерно с середины 1980-х гг. сначала социологи, а затем и экономисты стали проявлять большой интерес к проблеме доверия. Сегодня в общественном мнении доминирует высокая оценка значения доверительных отношений, влияющих на многие ключевые экономические и социальные процессы. Для развития экономики постсоветской России необходимо, как справедливо считают, не столько подъем нанотехнологий и наращивание прочих чисто технических ресурсов, сколько укрепление доверия как основы социального капитала. Поэтому измерение уровня доверия – одного из индикаторов запасов социального капитала в национальной экономике – является научной задачей, достойной самого серьезного внимания.

1. Актуальность анализа социального капитала

В современных социально-экономических науках обсуждение видов и значения различных экономических ресурсов происходит в основном при помощи теоретического конструкта «капитал» (capital – в буквальном переводе «главный»). В начале XXI в., в частности, наиболее популярными категориями обществоведческого дискурса становятся понятия «человеческий капитал» и «социальный капитал».

Основоположником современной теории человеческого капитала стал американский экономист Гэри Беккер (лауреат Нобелевской премии по экономике 1992 г.) [Беккер 2003]. Под влиянием его работ человеческим капиталом стали называть имеющиеся у индивидуума знания, производственные навыки и мотивации, повышающие производительность труда. Беккер доказывал, что инвестиции в человеческий капитал (в подготовку и переподготовку специалистов и квалифицированных работников) оказываются гораздо более прибыльными, чем расходы на машинную технику.

У предложенного Г. Беккером подхода был, однако, существенный недостаток – он основан на парадигме рационального поведения индивида как автономного субъекта эконо-

номической жизни. Хозяйственная жизнь выглядит, в рамках его подхода, как совокупность индивидуальных решений ответственных индивидов, своего рода «рациональных робинзонов». Современные обществоведы выражают сомнения по поводу и рациональности, и автономности индивидуального поведения индивидов. Идеи Г. Беккера стимулировали разработку все новых и новых концепций «человеческих ресурсов» (Рис. 1), которые отражали те аспекты, которые не зависят (или не полностью зависят) от воли и сознания отдельного человека.

Одно принципиальное важное уточнение сделал американский экономист-историк Роберт Фогель (лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г.), предложив выделять физиологический капитал, который человек получает при рождении и в первые годы жизни, после чего уже почти не может его изменить [Фогель 2004]. Другое, еще более важное уточнение сделал американский экономист-социолог Джеймс Коулман, разработавший концепцию социального капитала, который создается не столько отдельным индивидом, сколько обществом в целом. Эта идея Д. Коулмана была подхвачена и развита другими обществоведами – в частности, американским социологом Френсисом Фукуямой, который обратил внимание на отношения доверия как на важнейший компонент социального капитала [Фукуяма 2004]. В последние десятилетия именно социальный капитал становится главным объектом научного анализа, именно с его приумножением связывают надежды на успех модернизации стран догоняющего развития (включая Россию).

Определяя социальный капитал как ресурс, Дж. Коулман подчеркивал, что «в отличие от иных форм капитала [имея в виду капитал как совокупность вещественных ресурсов], социальный капитал свойственен структуре связей между акторами и среди них. Это не зависит ни от самих акторов, ни от средств производства» [Коулман 2001, с. 124]. Далее он

© Ю.В. Латов, 2009

указал, что обладателем социального капитала может быть как отдельный индивид, так и ка-

кая-либо организация или сообщество.

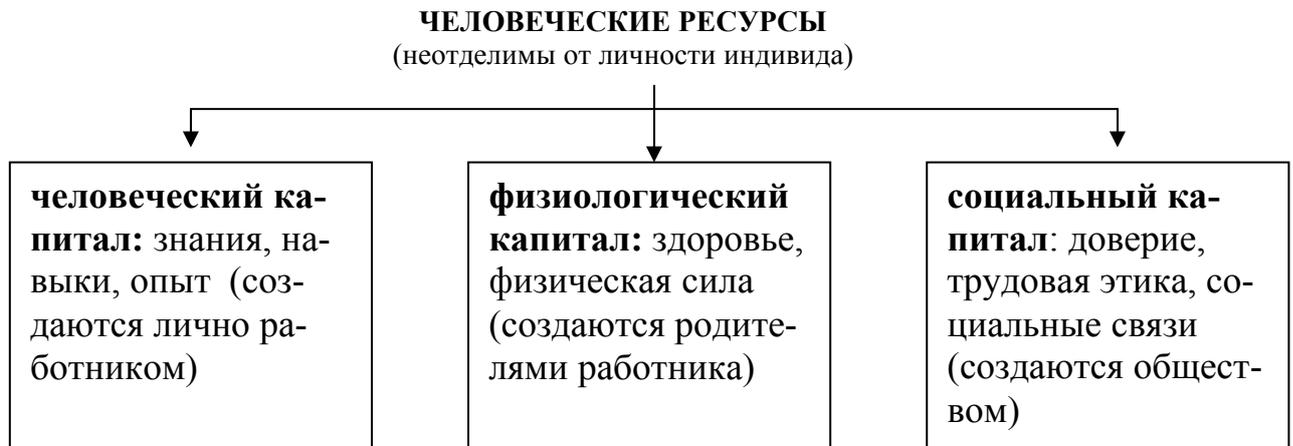

Рис. 1. Типология человеческих ресурсов

В качестве яркого примера функционирования социального капитала Коулман приводил рынок оптовой торговли алмазами в Нью-Йорке, контролируемый несколькими еврейскими семьями. Эти люди без всяких формальных контрактов передают друг другу для изучения алмазы огромной ценности, не опасаясь, что партнер их подменит или присвоит. Дело в том, что эксперты-оценщики не только совместно работают, но и живут бок о бок, ходят в одни и те же синагоги, даже заключают браки в основном в «своем кругу». В результате тесных социальных связей эти люди могут успешно заниматься высокоприбыльной экономической деятельностью, требующей полного доверия к партнерам. Более обыденные примеры социального капитала, связанного с доверием, мы видим буквально на каждом шагу: успешно работают только такие трудовые коллективы, где собраны не просто хорошие специалисты, но люди, доверяющие друг другу.

Таким образом, социальный капитал можно определить как нормы взаимоотношений индивидов, повышающие производительность труда. Дж. Коулман объяснил различие трех основных форм капитала следующим образом: «Если физический капитал полностью осязаем, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, то человеческий капи-

тал менее осязаем. Он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов» [Коулман 2001, с. 128]. Объяснение Коулмана можно дополнить так: у Робинзона Крузо на его необитаемом острове был физический и человеческий капитал, но не было социального капитала. Можно сказать, что если физический и человеческий капитал определяют величину трансформационных издержек, то социальный капитал – транзакционных издержек (чем выше капитал, тем ниже удельные издержки).

В Табл. 1 показаны черты сходства и различия между человеческим и социальным капиталом.

Под влиянием новейших социально-экономических научных разработок происходит качественное переосмысление методики расчета национального богатства. Ранее оно рассчитывалось как сумма чисто материальных (физического и природного) капиталов, теперь в него стали включать и неосязаемый капитал, воплощенный в людях. Под «неосязаемым капиталом» (intangible capital) понимают ресурсы, воплощенные в людях, т.е. все человеческие ресурсы.

Таблица 1

Сравнительная характеристика человеческого и социального капиталов

Человеческий капитал	Социальный капитал
Знания, навыки, компетенции и свойства индивидуумов	Связи, а также признанные нормы и ценности внутри социальных групп
Воплощен в отдельных людях	Воплощен в коллективах людей
Создается и накапливается индивидом	Создается и накапливается внутри социальных групп и организаций
Измеряется в основном при помощи показателей уровня образования	Измеряется в основном при помощи показателей уровня доверия

По оценкам зарубежных экономистов (Табл. 2), по состоянию на начало XXI в. в развитых странах доля природного капитала в национальном богатстве составляет лишь несколько процентов, доля физического капитала – менее 20%, зато удельный вес неосязаемого капитала (ресурсов, воплощенных в людях) превышает 70%. В России же, согласно оценке Всемирного банка, среднестатистическая величина национального богатства достаточно велика (38.709 долл.). Однако его основу составляет природный капитал, на который приходится 44%; физический капитал составляет 40%, а неосязаемый – лишь 6%.

Очень малая относительная величина человеческих ресурсов России в расчетах Всемирного банка связана, очевидно, с низким уровнем, прежде всего, социального капитала, поскольку по показателям человеческого и физиологического капитала (уровень образования, здоровья и т.д.) Россия смотрится на мировом фоне более-менее средне. Действительно, суждение о том, что «Россия – страна с низким социальным капиталом» (см., например, [Европейская метрика для российской экономики]), повторяется настолько часто, что стало едва ли не банальностью.

Таблица 2

Структура национального богатства разных групп стран мира, 2000 г.

Группы стран	Величина национального богатства на душу населения, долл.				Структура национального богатства, %		
	природный капитал	физический капитал	неосязаемый капитал	всего	природный капитал	физический капитал	неосязаемый капитал
бедные	1.925	1.174	4.434	7.532	26	16	59
средние	3.496	5.347	18.773	27.616	13	19	68
богатые	9.531	76.193	353.339	439.063	2	17	80
В среднем	4.011	16.850	74.998	95.860	4	18	78

Источник: [Where Is the Wealth of Nations?]

Итак, по многим оценкам, России остро не хватает социального капитала – именно того вида капитала, который наиболее важен для современных национальных моделей экономики. Но насколько обоснованы эти оценки?

Доверие в российском обществе уже не раз становилось объектом внимания отечественных и зарубежных социологов ([Олейник

2001; Экономика и социология доверия 2004; Кертман 2006; Звоновский 2007; Рукавишников 2008; Алексеева 2008; Козырев 2009] и др.). Очень важно, что появилась возможность сравнивать ситуацию в России с ситуацией в других странах мира. Для этого огромную роль играют два международных проекта, в которых участвовала Россия. Следует вспомнить,

прежде всего, участие России в международном проекте World Values Survey (WVS), в рамках которого в 1990-2000-е гг. проводился мониторинг показателей доверия в нескольких десятках стран мира¹. А в 2006 г. в России (наряду с другими 28 странами с переходной экономикой) проводился опрос по ряду социально-экономических проблем, включая и проблемы доверия, по проекту «Жизнь в переходный период» [*Жизнь в переходный период 2006*] под эгидой Европейского Банка Реконструкции и Развития (ЕБРР).

Рассмотрим по данным этих опросов, каковы же особенности отношений доверия – прежде всего, доверия к другим людям (личностного/межличностного доверия) – в современном российском обществе.

2. Сравнение уровня обобщенного личностного доверия в разных странах мира: Россия между Италией и Францией

В современном мире каждому из нас постоянно (на работе, в дороге, у подъезда собственного дома...) приходится общаться с мало знакомыми людьми. Поэтому анализ доверия начинают с измерения обобщенного доверия – к людям «вообще». Уровень обобщенного (генерализованного) личностного доверия в настоящем исследовании фиксировался вопросом: «Говоря в общем, считаете ли Вы, что можно большинству людей доверять или, что имея дело с людьми, надо всегда быть предельно осторожным?».

Собранные во время опросов 1990-2000-х гг. по проекту WVS данные (Табл. 3)² показывают сильную дифференциацию стран мира по уровню обобщенного доверия.

Наиболее высокий уровень доверия зафиксирован в Скандинавии, где ответ «большинству людей можно доверять» устойчиво дают порядка 60-70% опрошенных. Но в англо-саксонских странах (США, Великобритания, Канада, Австралия) этот ответ выбирают уже почти вдвое реже, порядка 30-40% респондентов. Самыми «недоверчивыми» оказались такие страны, как Турция и Бразилия, где положительно отвечают на этот вопрос обычно не более 10% граждан.

¹ См. информацию на сервере проекта (<http://www.worldvaluessurvey.com>).

² Данные по нашему опросу 2009 г. и по опросам WVS приводятся без досчета с учетом ответов «не знаю» и на незаполненные анкеты.

В целом видна тенденция – уровень доверия выше в развитых странах и ниже в странах догоняющего развития. Однако у этого правила есть немало исключений. Скажем, в Китае во время всех опросов зафиксирован заметно более высокий уровень личностного доверия, чем в США. А во время последней волны опроса в бедном Вьетнаме показатель доверия (50,9%) оказался заметно выше, чем у богатой Японии (36,6%).

Кросс-культурный анализ показывает, что российский уровень доверия много хуже, чем у скандинавских стран «социализированного капитализма», и немного хуже, чем у англо-саксонских стран «конкурентного капитализма». Однако он гораздо лучше, чем у многих других стран догоняющего развития. Особых оснований для огорчения нет: у такой высокоразвитой страны, как Франция, во всех опросах уровень доверия оказывался ниже, чем в России. Можно сказать, что по уровню обобщенного доверия Россия 2000-х гг. находится между Италией и Францией. Весьма обнадеживающая характеристика!

Рассмотрим теперь данные о постсоветской России в динамике.

Согласно данным опроса по программе World Values Survey, на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» в России в 1990 г. 34,7% опрошенных отвечали, что большинству людей можно доверять. В последние годы существования СССР, таким образом, уровень доверия в нашей стране был весьма высоким – почти таким же, как в современных США и Японии. Однако в 1995 г. он составлял уже только 23,2%, в 1999 г. – 22,9%. Согласно проведенному в 2000 г. опросу населения России по репрезентативной выборке, проведенному РОМИР, 22,9% россиян полагали, что «людям можно доверять». Когда в 2005 г. группа психологов ГУ-ВШЭ проводила опрос в ряде городов европейской части России, они получили такой же показатель – 22% россиян [*Татарко*]. В последней волне исследований WVS годом позже (в 2006 г.) для России в целом был получен чуть более высокий показатель – 24,6%.

Для интерпретации динамики личностного обобщенного доверия в России в 1990-2000-х гг. принципиальное значение имеет степень достоверности начальных данных за 1990 г.

Если эти данные достоверны, то сравнение данных за 2000-е гг. с ранее полученными приводит к выводу, что уровень межличност-

ного доверия россиян за последние 20 лет изменялся по U-образной траектории (**Рис. 2**): сначала он сокращался, а затем постепенно начал расти. Это – важный позитивный симптом

«выздоровления» российского общества. Можно сказать, что «большая Россия» прошла через кризис, но до выздоровления еще не слишком близко.

Таблица 3

Доля респондентов (в %), полагающих, что «большинству людей можно доверять»: Россия на фоне некоторых развитых и развивающихся стран в проекте WVS

Страны	Волны проекта				
	1: 1981-1984 гг.	2: 1989-1993 гг.	3: 1995-1998 гг.	4: 1999-2001 гг.	5: 2005-2008 гг.
Швеция	52,1	59,6	56,6	63,7	65,2
Китай	Нет данных	59,4	50,4	52,5	52,3
США	39,2	50,0	35,9	35,5	39,1
Япония	37,4	37,6	43,3	39,6	36,6
Германия*	25,9	26,8	32,1	35,9	33,8
Великобритания	42,5	42,1	30,4	28,5	30,0
Италия	24,5	32,8	Нет данных	31,8	27,5
Россия	Нет данных	34,7	23,2	22,9	24,6
Индия	Нет данных	33,5	32,8	38,9	20,7
Франция	22,3	21,4	Нет данных	21,4	18,7
Аргентина	24,5	22,4	17,1	15,0	17,4
Мексика	Нет данных	30,2	29,4	20,8	15,4
Колумбия	Нет данных	Нет данных	10,7	Нет данных	14,3
Бразилия	Нет данных	6,6	2,8	Нет данных	9,2
Турция	Нет данных	9,8	6,5	15,5	4,8

* Для 1981 г. приведены данные по Западной Германии.

Составлено по: <http://www.worldvaluessurvey.com/>.

Но возможна и иная интерпретация.

Сравнение данных по другим странам показывает, что показатели отдельных лет иногда резко «выбиваются» из общего ряда в ту или иную сторону (см., например, в Табл. 3 данные по США во 2-й волне, по Турции в 4-й волне, по Индии в 5-й волне). Трудно сказать, являются ли такие «выбросы» результатом каких-то особых событий внутри страны, или это – результат не вполне корректной организации очередной волны опроса в этой стране. В любом случае такие «выбросы» следует отбрасывать, поскольку они не типичны для характеристики социального капитала страны.

Российский показатель 1990 г. аномален по отношению ко всем другим. Если же отбросить его как сомнительный, то картина резко меняется: никакой синусоиды нет, уровень личного обобщенного доверия в России очень устойчив, а фиксируемый небольшой рост в последние годы можно объяснить

обычными погрешностями измерения.

3. Сравнение уровня обобщенного личного доверия в постсоциалистических странах: Россия – почти как Чехия

Рассмотрим теперь уровень личного обобщенного доверия в России, сравнивая его с ситуацией не в других странах мира в целом, а в других постсоциалистических странах. Для этого у нас есть сразу две базы данных – по проектам WVS и «Жизнь в переходном периоде».

База данных WVS (Табл. 4) позволяет сделать три важных наблюдения.

Во-1-х, резкий спад межличностного доверия в России 1990-х гг. в сравнении с ситуацией в других экс-советских государств не выглядит каким-то исключением. Из 9-ти стран нашей таблицы, по которым есть данные как за последние советские (2-я волна), так и за начальные постсоветские (3-я волна) годы, лишь в одной стране (Латвия) уровень доверия за-

метно вырос, в четырех (Чехия, Беларусь, Венгрия, Румыния) – почти не изменился, а в четырех (Россия, Болгария, Литва, Польша) – тоже сильно сократился. В таком случае контраст между высоким показателем советской России 1990 г. и гораздо более низкими последующими (постсоветскими) показателями может отражать реальную динамику.

Во-2-х, данные по России 1990-2000-х гг. на фоне транзитивных стран вовсе не выделяются в худшую сторону. Наоборот, Россия во всех волнах исследований входит в число средних или даже лучших стран: в третьей волне она между Венгрией и Чехией, в четвертой волне Россия сравнялась с Чехией, в пятой волне у нее самый высокий показатель.

Таблица 4

Доля респондентов (в %), полагающих, что «большинству людей можно доверять»:
Россия на фоне транзитивных стран в проекте WVS

Страны	Волны проекта				
	1: 1981-1984 гг.	2: 1989-1993 гг.	3: 1995-1998 гг.	4: 1999-2001 гг.	5: 2005-2008 гг.
Украина	Нет данных	Нет данных	28,8	26,1	24,5
Чехия	Нет данных	26,8	27,2	23,4	Нет данных
Латвия	Нет данных	19,0	23,9	16,7	Нет данных
Болгария	Нет данных	28,7	23,7	24,9	19,6
Россия	Нет данных	34,7	23,2	22,9	24,6
Беларусь	Нет данных	25,0	23,0	38,0	Нет данных
Венгрия	31,9	23,8	22,5	21,4	Нет данных
Литва	Нет данных	30,8	21,3	23,4	Нет данных
Азербайджан	Нет данных	Нет данных	19,4	Нет данных	Нет данных
Румыния	Нет данных	15,8	17,9	9,9	19,3
Грузия	Нет данных	Нет данных	17,7	Нет данных	17,6
Польша	Нет данных	28,4	16,9	18,3	18,1

Составлено по: <http://www.worldvaluessurvey.com/>.

В-3-х, очень любопытно выглядит сопоставление России с «братскими» Белоруссией и Украиной. В литературе часто высказывается мнение, что современные россияне, белорусы и украинцы хотя и разделились на три политические нации, но сохраняют культурное единство (правда, к украинцам это относится в меньшей степени). В таком случае изменения в этих трех странах можно рассматривать как качественно разные пути политического развития (Беларусь – наиболее авторитарный путь, Украина – наиболее демократический) на сходном культурном фундаменте. Следовало бы ожидать, что чем выше уровень демократии в стране, тем выше будет доверие (при прочих равных). Эта закономерность видна, если сравнить Россию и Украину. Интересно, однако, отметить, что на протяжении третьей-пятой волн показатели Украины и России последовательно сближались. Что касается Республики Беларусь, то из-за подозрительно высокого по-

казателя четвертой волны в отношении нее пока трудно делать какие-то выводы.

Показатели базы данных «Жизнь в переходном периоде» (Табл. 5) существенно отличаются от показателей базы WVS.

Не удивительны огромные различия между очень высокими ретроспективными оценками доверия в «советские времена» и гораздо более низкими (в 2-3 раза) показателями первой и второй волн WVS, которые были получены как раз в конце советской эпохи. Прошлое в воспоминаниях всегда кажется более радужным, чем оно было на самом деле³.

³ Аналогичный феномен «счастливого прошлого» отмечен и в опросе РМЭЗ: «доля респондентов, считающих, что в 1991 г. можно было доверять большинству людей, в два с половиной раза превосходит удельный вес лиц, которые склонны доверять большинству людей сегодня» [Козырев 2009, с. 45).

Сильнее удивляют данные о доверии «в настоящее время». Лишь три страны в нижней части таблицы, составленной по данным о «Жизни в переходном периоде», демонстрируют примерно такие же показатели, что и в последних волнах WVS. По всем другим странам (включая и Россию) уровень доверия оказался заметно выше.

Этот контраст нельзя объяснить реальными изменениями в общественном сознании: опрос пятой волны WVS проходил практически одновременно с опросом «Жизни в переходном периоде». Однако для всех пяти стран, которые попали в оба эти опроса, показатели WVS заметно (скажем, по Грузии – более чем

2 раза) ниже. Видимо, этот скачок объясняется некоторым изменением формулировки вопроса анкеты – не «большинству людей можно доверять», как в WVS, а «людям можно доверять в настоящее время». Вероятно, многие респонденты понимали эту формулировку как «[хотя бы некоторым] людям можно доверять...», отсюда и более высокие показатели. Из-за этого, казалось бы, незначительного различия в формулировке анкетного вопроса данные опроса «Жизнь в переходном периоде» следует сопоставлять с данными других опросов с большой осторожностью.

Таблица 5

Доля респондентов (в %), полагающих, что «людям можно доверять»: Россия на фоне транзитивных стран в проекте «Жизнь в переходном периоде»*

Страны	Возрастные группы, лет**				Примерная средняя доля доверяющих
	18-34	35-49	50-64	65 и более	
Грузия	68/45	78/47	80/45	79/42	45
Украина	50/45	57/48	75/40	78/32	41
Беларусь	49/40	55/42	70/43	65/42	40
Латвия	68/35	67/30	71/41	67/40	36
Россия	61/35	72/35	75/31	78/38	35
Литва	67/32	68/27	76/36	62/31	31
Кыргызстан	78/31	85/23	88/30	88/33	29
Польша	44/31	45/22	61/28	53/29	27
Венгрия	54/21	69/28	65/22	57/33	26
Чехия	40/34	30/22	39/26	42/22	26
Азербайджан	58/26	65/22	65/21	69/24	23

* Показатели приведены с точностью плюс-минус 2 пункта, поскольку в первоисточнике результаты даны в форме диаграмм без точных количественных данных.

** В числителе – процент тех, кто считал, что «людям можно было доверять до 1989 года»; в знаменателе – тех, кто считал, что «людям можно доверять в настоящее время».

Составлено по: [Жизнь в переходный период].

Если оценить место России среди других транзитивных стран по базе «Жизнь в переходном периоде», то и здесь нет оснований для пессимистических выводов. Россия выглядит вполне средней страной – гораздо лучшей, чем Чехия, Венгрия или Польша. Из восточноевропейских стран нас заметно «обходят» лишь Белоруссия с Украиной.

Независимо от того, верна ли интерпретация «выздоровливающей России» или «стабильной России», социальный капитал личного доверия в России 2000-х гг. заслуживает, на наш взгляд, с точки зрения как общеми-

ровых, так и «транзитивных» сравнений, умеренно положительной оценки. Да, уровень доверия в России гораздо ниже и скандинавских, и дальневосточных, и англо-саксонских стран. Однако превосходство над Францией внушает оптимизм: если французам удалось создать в XX в. эффективную национальную модель экономики при еще более низком уровне обобщенного доверия, то и у россиян тоже есть шансы на успех. Если сравнивать с транзитивными странами, то Россия то ли близка к Чехии, обгоняя Польшу (по WVS), то ли заметно превосходит вообще все восточноевро-

пейские страны кроме Украины и Белоруссии (согласно «Жизни в переходном периоде»).

* * *

Хотя делать общие выводы о социальном капитале России на основе одной только информации об обобщенном межличностном доверии несколько преждевременно, некоторые предварительные суждения можно сформулировать уже сейчас. Нам представляется, что количественные характеристики доверия россиян, безусловно, имеют некоторую специфику. Однако она не настолько велика, чтобы говорить о качественно низком социальном капитале России.

Трудности постсоветского развития России можно поэтому объяснить двояким образом. Возможно, что причиной трудностей модернизации России являются какие-то иные элементы социального капитала, не связанные с конструктом доверия. Но возможно и иное объяснение – социальный капитал России достаточно велик, однако это пока *потенциальный* капитал (ресурс), а не *реально используемый*. В первом случае первостепенной задачей является чисто научная проблема выявления «тормозящего» элемента. Во втором случае проблемой является практическая активизация имеющегося ресурса – формирование политических субъектов, которые могли бы сделать имеющийся социальный капитал из потенциальности реальностью. Скорее всего, верны (хотя и в разной степени) оба эти объяснения

Литература

1. Алексеева А. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различия // Социальная реальность. – 2008. – № 7.
2. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
3. Европейская метрика для российской экономики. Где пересекаются формальные показатели и реальная инновационная политика // Независимая газета. 12 марта 2008 г. (<http://p1.hse.ru/prensa2002/default.php?show=19207&selected=3>).
4. Жизнь в переходный период. Социологическое исследование опыта и мнения людей. – European Bank, 2006 (<http://www.ebrd.com/pubs/econo/litsR.pdf>).
5. Звоновский В.Б. Повседневное межличностное доверие как фактор хозяйственной деятельности // Мир России. – 2007. – № 2.
6. Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. – 2006. – № 4.
7. Козырев П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. – 2009. – № 1.
8. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.
9. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М, 2000. Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. – 2008. – № 2.
11. Татарко А.Н. Психологические исследования социал
12. Фогель Р.У. Экономический рост, демография и физиология: Воздействие долговременных процессов на разработку и осуществление экономической политики: Нобелевская лекция, прочитанная 9 декабря 1993 г. // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. В 5 т. Т. 5. Кн. первая. – М.: Мысль, 2004. – С. 724-763.
13. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
14. Экономика и социология доверия./ Под ред. Ю.В. Веселова. – СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004.
15. Where Is the Wealth of Nations? World Bank, Washington, D.C., 2006 (<http://siteresources.worldbank.org/INTEEI/214578-1110886258964/20748034/All.pdf>).

Статья поступила в редакцию 01.09.2009